

Что же касается поколения XX века, то вы даже понятия не имеете, как строятся миры и что служит стимулом для появления королевств.

Фитц Балинтин Петтерсбург,
«Королевский пергаментный свиток черного
превосходства»

Рай — это человек. Приди в этот мир.
Чарльз Олсон

Я не бог.
Хайле Селассие I

Я не бог.
Махатма Карамчанд Ганди

*А что же такое этот Бог?
Я спросил землю, и она сказала: «это не я»; и все,
живущее на ней, исповедало то же.*
Блаженный Аврелий Августин, «Исповедь»

СОДЕРЖАНИЕ

Первые ритуалы	11
I. Поздняя теогония	23
1. В свете Раса Тафари	27
2. Евангелие от Филиппа	85
3. Четыре ипостаси Макартура	113
4. Боги в мундирах	136
5. Апофеоз Натаниэля Тарна	163
II. Рвущаяся бахрома религии	183
6. Мистический зародыш	187
7. Накачанная троица	219
8. Переход	240
9. Тирания любви	262
10. Мифополитика	308
III. Белые боги	341
11. Змеи	345
12. Краснеющий Адам	371
13. Как убить бога	404
Освобождение (последние ритуалы)	424
Примечания	433
Приложение	434
Список иллюстраций	440
Алфавитный указатель богов поневоле	444

ПЕРВЫЕ РИТУАЛЫ

Стать божественным человечеству в самом начале предложил змей. «Быть вам богами», — предрек он, пока запретный плод ждал. В мир пришли мудрость, стыд и печаль, но кто может сказать, приблизился ли человек хоть немного к божественности и благочестию? Вновь это проклятое создание, обреченное пресмыкаться, явилось к святому Павлу, выброшенному на остров после кораблекрушения. Змей укусил апостола за руку в тот самый момент, когда тот собрал немного хвороста разжечь костер. Глядя на незнакомца, местные аборигены ждали, что он вот-вот упадет замертво, и полагали, что такая судьба могла быть уготована только убийце. Но когда увидели, что аспид не причинил Павлу никакого вреда, объявили его богом. С ним это было уже не впервые: во время его странствий, когда он проповедовал слово Божье, какой-то калека, неспособный даже шагу ступить, вдруг вскочил на ноги и пошел. Узрев это, окружающие посчитали Павла Меркурием, его спутника Варнаву Юпитером и закричали: «К нам в человеческом обличье спустились боги». Какой-то жрец собрался принести в жертву быка. Однако апостолы лишь разорвали на себе одежды, бросились в гущу толпы и закричали: «Мужи! Что вы это делаете? И мы — подобные вам человеки». Таким образом, слова змея, облаченные в новую оболочку, создали очередную ловушку. Можно приобрести форму и цвет бога, можно стать властным, жестоким и глухим к мольбам, как бог, а можно просто оказаться в нужное время в нужном месте. Ошибки случаются всегда.

В 307 г. до н. э. на горизонте, вынырнув из-за границы между небом и землей, появился флот. Приняв его за корабли своего собственного царя, жители Афин опустили щиты и позволили иноземному завоевателю войти в Пирейский порт. Командующий флотом, Деметрий Полиоркет, на берег не сошел, но обнародовал прокламацию, в которой пообещал вернуться, освободить город, восстановить в нем власть народа, и отплыл обратно. А когда через несколько месяцев возвратился и захватил Афины, вдруг обна-

ружил, что его чествуют как божество. Вдоль улиц выстроились толпы народа с гирляндами в руках. Когда мимо них проезжал новый бог, его приветствовали криками и танцами, распевая гимн, дошедший до нас благодаря историку Дуриду Самосскому:

*Другие боги обитают далеко-далеко.
Может, у них нет ушей,
А может, им нет до нас никакого дела,
Но ты здесь, и мы видим тебя вживую,
А не высеченным из дерева или камня.
Видим — и молимся тебе (1).*

Другие боги спали, но Деметрий стоял перед ними во плоти и крови. Отличался красотой и смеялся тоже как бог. Сиял как солнце в окружении свиты блистательных звезд. В отличие от безжизненных деревянных и каменных истуканов Деметрий демонстрировал редкую энергию и способность претворять в жизнь перемены. В том месте, где ступила его нога, когда он сошел с колесницы, воздвигли алтарь. В недавно построенных храмах Деметрия жрецы, кутаясь в облака ладана, то и дело поднимали в честь Спасителя чаши с вином. Покорителя стали осаждать мольбами и просьбами, в первую очередь прося установить мир. «Деметрий и сам при виде всего этого диву давался», — рассказывал впоследствии государственный муж Демохар, отмечая, что если некоторые аспекты поклонения ему Деметрия веселили, то другие смущали и доставляли мучения. Особенно бесцеремонное возведение храма в честь его возлюбленной Ламии, славившейся своей легендарной красотой.

Для древних греков мысль о том, что человек может стать богом, пусть даже сам того не желая, была делом совершенно естественным и в высшей степени логичным. Землю и обитель богов связывали самые тесные отношения. Поэт Гесиод в своей «Теогонии» воспевал рождение богов в рамках генеалогии, тесно переплетавшейся с человеческой. Говорил о смертных, впоследствии ставших демонами; о божественных духах; о полубогах, появившихся на свет в результате смешанных браков; о богоподобных людях или героях, почитаемых за их деяния. Философ Эвгемер (2) утверждал, что обнаружил на затерянном в море острове золотой столб с высеченными на нем датами рождения и смерти бессмертных обитателей Олимпа. В соответствии с его гипотезой, изначально

все боги были людьми и жили на земле, хотя происхождение никоим образом не посягало на их космическую власть и не лишало даже малой толики божественности. Их ряды пестрели воителями и мыслителями, от спартанского военачальника Лисандра до философа-материалиста Эпикура (3), уподобленного богам после смерти. В своих «Сравнительных жизнеописаниях» биограф Плутарх отмечал, что у некоторых древних, давно утвердившихся богов новичок Деметрий явно вызывал раздражение. Ураган изодрал на этом выскочке священное одеяние, из-за жуткого мороза ему пришлось остановить праздничное шествие, а его алтарь обвили устрашающие побеги редкой в тех краях цикуты¹.

Когда в Древнем Риме обожествление с помощью официального декрета превратилось в средство, позволяющее узаконивать политическую власть, границы между небесами и землей стал контролировать Сенат. Основываясь на греческих традициях уподобления богам, римляне добавили новую доминанту в виде протокола, обрядов и ритуалов, оказывающих влияние на изменение статуса с человеческого на божественный. В благодарность за завоевательные походы Сенат обожествил Юлия Цезаря (4), предприняв ряд действий, наделяющих его правами живого бога, в том числе построив за государственный счет храм и даровав привилегию носить пурпурную мантию Юпитера. И хотя, с одной стороны, верховный орган таким образом вроде бы наделил его абсолютной властью, с другой — подобная мера позволяла ему эту власть контролировать, что сам Цезарь прекрасно понимал. Уподобив могущественного человека богу, его вполне можно связать по рукам и ногам, а Сенат, возвысив Юлия до ранга Юпитера, заодно установил перечень свойств характера и добродетелей, которыми *должен* обладать бог (5). В своих речах сенаторы всячески умаляли его склонность повелевать другими, но превозносили до небес милосердие и благородство, выставляя их качествами, определявшими Цезаря в ипостаси бога. В роли новоявленного божества Юлий, дабы соответствовать новой сути, должен был прощать политических врагов и уважать республиканские институты Рима. На Капитолийском холме Сенат установил каменного Юлия с земным шаром у его ног, но, по свидетельству государственного мужа Кассия Диона, тот распорядился убрать из надписи на нем слово «полубог». Цезарь чувствовал, что уподобление богу по велению государства — как благословение, так и проклятие.

¹ Растение, внешне похожее на борщевик и не менее ядовитое. — *Прим. пер.*

Вскоре после возведения в ранг бога Юлия убили, нанеся двадцать три удара кинжалом, и к власти пришел Октавиан, ставший первым императором Рима Августом, но ни он, ни его преемники на этом посту отнюдь не стремились превратиться в живых богов (6). Божественность приобрела зловещий окрас смерти — в силу либо человеческой зависти, либо причин более экзистенциального характера. Август заблокировал строительство посвященного ему мавзолея «Августеум», Клавдий запретил проводить в свою честь ритуалы с жертвоприношениями, а Тиберий отказывался от любых портретов, разве что их располагали как можно дальше от изображений богов. Веспасиан отвергал любые притязания на его божественность, которую признавало даже царство зверей — по одной из легенд, вырвавшийся из ярма бык вторгся в трапезную императора и распростерся у его ног. Когда тот или иной император умирал, его преемник проводил узаконенный государством ритуал превращения покойного в божество. На погребальном костре сжигали восковую статуэтку, из пламени в небо взмывал орел (7) — крылатым Хароном, переносившим усопшего на небеса. Факт смерти никоим образом не подрывал претензии политика на бессмертие. Кончина представлялась лишь избавлением от телесной оболочки, наподобие того, как сбрасывает старую шкуру змея.

В качестве инструмента управления государством уподобление божеству консолидировало политические династии, но зачастую также служило выражением скорби и любви (8) в тех случаях, когда человек умирал неожиданной, трагической смертью. Император Адриан уподобил богам свою жену и тещу, но наивысшую небесную участь уготовил своему юному возлюбленному Антиною, утонувшему в Ниле при невыясненных обстоятельствах.

Когда Юлию Друзиллу в возрасте двадцати двух лет подкосил вирус, ее брат Калигула, во всем склонный к максимализму, провозгласил ее Пантеей, т.е. «богиней всех богов». В 45 г. до н.э., через месяц после родов, скончалась дочь Цицерона Туллия, и осиротевший оратор, преисполненный решимости превратить ее в богиню, задействовал для решения этой задачи весь свой недюжинный ум (9). Дабы поставить общество в известность о новом божестве, он решил выстроить ей усыпальницу и поручил одному из архитекторов подготовить соответствующий проект. Вместе с тем сенатор заикнулся на вопросе оптимального расположения святилища, без конца размышлял о том, где его лучше разместить — в стенах дома или на улице, и беспокоился, кто же в будущем станет собственником этой земли. Изводил себя

мыслями о том, как лучше всего преподнести Туллию Риму, дабы снискать расположение как бессмертных богов, так и вполне смертного общественного мнения. «Что бы ты ни думал об этом плане, покорнейше прошу тебя меня простить...» — писал он в письме одному из друзей, вслух задаваясь вопросом о том, не станет ли ему от этого странного начинания только хуже. Но в случае с Цицероном, вышедшим в своей скорби за любые человеческие рамки, стремление оказалось неумным. Уподобление дочери богине для него было чем-то вроде утешения.

Век, определивший новый отсчет времени (10), начался с человека, который, по всей видимости, лишь по чистой случайности стал божеством. Поскольку самые первые Евангелия были написаны спустя десятилетия после его смерти на Голгофе, и даже свет не может разогнать тьму гробниц прошлого, разглядеть его в деталях сложно. Ученые, пытающиеся определить, какое место в истории занимал этот диссидентствующий проповедник из Назарета, решительно бросивший вызов римским правителям и богам, установили его причастность к политике тех дней. Вместе с Иоанном Крестителем он практиковал обряд крещения на берегах реки Иордан, называя его избавлением от греха и кабалы империи, которая на тот момент оккупировала Иерусалим. Подобно многим другим своим современникам Иисус предрекал апокалипсис, утверждая, что действующий мировой порядок с его угнетением и несправедливостью скоро падет и сыны Израилевы восстаноят свое царство. За это пророчество его и арестовали, обвинив в государственной измене. При этом исследователи в целом согласны с тем, что в Евангелии от Марка, наипервейшем письменном источнике, Иисус никогда не претендовал на божественность, не называл себя ни Богом, ни Его Сыном. В священных писаниях более раннего периода в ответ на вопросы о том, можно ли считать его мессией и помазанником божьим, он постоянно уклонялся, отмахивался и открещивался от этого титула, а мессией всегда называл кого-то совсем другого, чье время еще не пришло. Одновременно с этим без особой охоты творил чудеса, то и дело почти упуская поводья нарратива из рук. Марк говорит, что, исцелив глухого, Он «повелел им не сказывать никому, но, сколько Он ни запрещал им, они еще более разглашали».

В последовавшие за его распятием десятилетия, когда были написаны и распространены первые Евангелия, уподобление римских императоров богам приобрело столь рутинный характер, что

Веспасиан, лежа в 79 г. н. э. на смертном одре, смог язвительно заметить: «Ничего себе, я, кажется, становлюсь богом». Отказывая в почтении боготворимым римским диктаторам, ранние христиане лишали их дарованных им титулов «Бога», «Сына Божьего», «Господа» (11), «Божественного спасителя», «Искупителя» или «Освободителя», наделяя ими человека, которого Рим казнил как преступника. В Писании апостола Павла, ярко живописующем образ воскресшего Христа, Иисус выступает в роли космического существа совершенно нового вида — вечного Сына Божьего. Если языческие политики возносились на небеса, круто взмывая на крыльях орла, то Иисус попросту сам спустился оттуда на землю, по словам Павла, вселившись в тело крестьянина (12). Павел хоть и пришел в ужас, когда его по ошибке приняли за языческого бога, но все же проповедовал мистическую возможность, позволяющую всему человечеству разделить божественность Христа. Возвысившись над земной политикой, этот диссидент превратился в божество, которое превзошло всех божков Рима. Когда Всемогущий облек его в плоть, Иисус стал силой, способной завоевать империю — что в итоге и случилось. По Евангелию от Иоанна, написанному одним из последних, накануне своего распятия Христос сравнивал себя со змеем сродни тому, которого Моисей закрепил на шесте, когда Бог приказал ему спасти от мора народ. По примеру этой рептилии, Иисус указывает путь к божественности, свернувшись клубком внутри каждого из нас. Во II веке существовала секта офитов (13), которая поклонялась Иисусу в образе змея, ссылаясь на то обстоятельство, что на этих пресмыкающихся чем-то похожи человеческие внутренности. Существуют письменные свидетельства того, что во время причастия они запускали на стол змею, которая сворачивалась кольцами вокруг буханки хлеба. К III веку греческий неопит Климент Александрийский смог заявить, что «божественностью теперь в равной степени пропитано все человечество». Всем последователям учения Христа предстояло «быть сотворенными по образу и подобию учителя — стать земным богом во плоти» (14). Богословы неистово спорили по поводу самой возможности *теоза*, то есть превращения в Бога, — сам термин был придуман специально для того, чтобы не путать его с *апофеозом* (15), что в переводе с греческого означает обожествление в языческом понимании этого слова. Во II–III веках среди христиан повсеместно бытовало мнение, что у каждого человека где-то есть божественный двойник, этакий близнец (16), с которым когда-нибудь можно будет встретиться.

В 325 г. н. э. император Константин созвал Никейский собор, собрав на него две тысячи епископов, чтобы впервые за все время официально определить божественную природу Христа. К числу тех, кто отстаивал представления о нем как о Сыне Господнем, сотворенном Им самим, представляющем собой само совершенство, но в определенной степени все же остающимся человеком, принадлежали и епископы, считавшие его воплощенным Словом, равным Богу-Отцу и состоящим из той же субстанции, что бы эта субстанция собой ни представляла. Все остальные гипотезы о сущности Христа объявили еретическими, а евангелия, выходящие за рамки этих представлений, теперь основополагающих, подверглись уничтожению. Решения Никейского собора упразднили бытовавшие до этого представления о божественности как о некоем подобии жизни простого смертного. Работы таких богословов, как Августин, формировавших христианские каноны в последующие столетия, еще больше углубили пропасть между человеческим и божественным началами.

Хотя мистики, может, и стремились к единению с божественным, что явно проглядывает в их метафорах, сама мысль о том, что человек может стать истинным божеством, стала абсурдной. Теологи стояли на том, что мы совсем не такие, как Бог, отчетливо проводя грань между Ним и его творениями. Вразрез с языческой доктриной о родстве между божественным началом и земной жизнью, со всеми ее тленом и суетой, христианское учение установило непреодолимое расстояние между подлунным миром и небесами. «Я спросил море (17), бездны и пресмыкающихся, живущих там, и они ответили “мы не бог твой”, — пишет в своей «Исповеди» Августин. — И сказал всему, что обступает двери плоти моей: скажите мне о Боге моем — вы ведь не бог, — скажите мне что-нибудь о Нем».

Моя история начинается огоньком, мерцающим во тьме на далеком, чужом берегу.

Он был «похож на маленькую восковую свечу (18), свет которой то поднимался, то опускался», — записал моряк, после пяти недель в открытом море узрев сушу, а на ней костер. А когда днем его корабль встал на якорь, на песчаном берегу собрались толпы любопытных аборигенов. 14 октября 1492 года Христофор Колумб записал в своем дневнике, что «когда они бросились в море и подплыли к нам, мы поняли, что они спрашивают нас, не явились ли мы

к ним с небес», хотя не знал из их языка ни единого слова. «Один их старик поднялся на борт, другие громко кричали ему... посмотреть на посланцев небес». Адмирала окружили несколько сот человек, умоляя взять их на корабль, полагая, что боги вскоре вернутся на небо. Неделю спустя Колумб записал, что его опять чествовали как бога, теперь уже на острове с таким количеством попугаев, что они буквально застили небо. «Для аборигенов, уверенных, что мы спустились с небес, наше прибытие стало невероятным чудом», — говорил он о народе, представители которого носили в носу золотые кольца, на его взгляд огорчительно маленькие.

Намереваясь отплыть в Китай, но в действительности отправившись совсем не туда, адмирал так и не понял, где сошел на берег, и поэтому недооценил размеры моря, которое пересек. Эта его ошибка стала отправной точкой, вплоть до того, что в 1982 году один историк даже написал: «Мы все — прямые потомки Колумба (19), именно с него начинается наша генеалогия, в той степени, в какой слово “начинаться” вообще обладает каким-то смыслом». Встав в начале этой истории на якорь в зеленой лагуне, Колумб впоследствии написал, что убил змею (20). «Ее шкуру я везу Вашим Величествам», — пообещал он Фердинанду и Изабелле это чешуйчатое жертвоприношение. После завоевания новой земли его уподобили богу. На каждом обнаруженном острове его встречали толпы народа, ошибочно принимая за божество, и этот новый клочок земли переходил во владения испанской короны. Зачитав невнятную декларацию, он умолкал, ожидая возражений, которых просто не могло последовать. «Я не встречал ни малейшего сопротивления», — писал Колумб (21).

Я поведаю вам не об одном боге, а о многих.

Расскажу о заблудившихся первопроходцах, о капитанах и воинах, об офицере, умершем на далеком от дома холме. О президентах и премьер-министрах, об антропологах, об оптометристе, о подростке, который пришел искупаться на пляж. Я сложу песнь о самых незначительных божественных воплощениях, о безуспешных религиозных сектах, о пустой преданности и о богах, ставших таковыми лишь на короткое время, да и то не во всем. Хотя мысль о том, что человека можно уподобить богу, может показаться архаичной и непонятной теологической загадкой, этакой мечтой из магического прошлого, за ненадобностью выброшенной за борт, после истории, по общему признанию провозвестившей начало новой эры, стала нарастать настоящая волна канонизаций.

На первом этапе, начавшемся в XV веке, моряки, миссионеры и переселенцы, ринувшиеся по следам Колумба, собрали бесчисленное множество свидетельств того, как европейцев по ошибке принимали за богов — в виде побочного эффекта их миссии, призванной принести аборигенам цивилизацию. На пике имперской эпохи, когда Европа в поиске богатств распространила свое влияние на всю землю, как из рога изобилия посыпались истории о колониальных офицерах, солдатах и чиновниках, которых донимало стремление туземцев поклоняться им как живым божествам, мешавшее надлежащим образом исполнять свой долг. Они удивлялись, что их умерших коллег хоронили в настоящих усыпальницах, а в виде даров клали туда сухари и джин. Когда в XX веке стали набирать силу национально-освободительные движения, пришел черед политиков и активистов, атеистов и модернистов, приходивших в ужас и замешательство, когда их возводили в ранг богов, по той простой причине, что рассказы о творимых ими чудесах противоречили их политическим программам. Случайные боги — призраки современности. Он — а это всегда «он» и никогда «она» — вступает в XXI век, озадаченно глядя по сторонам, стремясь к земной власти, но вместо этого, к своему смущению, превращается в божество. Их можно найти на любом континенте, в любой точке земли — во времена колониальных захватов, национально-освободительной борьбы и политических потрясений.

Рассказать о тех, кто по воле случая стал богом, означает поведать о том, как нынешний мир стал таким, каким мы видим его сейчас. После вторжения Европы и христианства на новые берега родилась идея Запада, за которую в следующем столетии отдали жизнь порядка шестидесяти миллионов. В соответствии с современным мифом о сотворении мира открытие Колумба вылилось в великую эпоху исследований и завоеваний, в неустанную поступь просвещения, индустриализации и прогресса. Философы избавили умы от предрассудков, вырвали их из мрака и излили на них ясный свет разума. Более того, даже провозгласили смерть самого Бога. («Кто смое с нас эту кровь?» (22) — вопрошал Ницше.) Было сказано, что современный век, избавившись от иррационального благоговения прошлого, утратил все былые иллюзии. Идея уподобления богу, сначала преданная анафеме как еретическая, а затем и вовсе объявленная бессмысленной, не обрела места в христианском каноне современного Запада, традиции которого не допускают иного осмысления трансцендентности и образа жизни человека на земле. В то же время так

называемая западная мысль, по сути, базируется на двух алтарях — греко-римского классицизма и христианского вероисповедания, в самой основе которых лежит идея превращения человека в божество.

Экзотичные рассказы о вознесении человека на небеса европейские империалисты называли заблуждением примитивных обществ с затерянных в океане атоллов и порождением фетишистского ума. В то же время в сотворении этих легенд участвовали не только островные жители, шаманы и вожди племен, но и сами моряки, солдаты и исследователи, которые впоследствии их до нас доносили. В их повествованиях явственно прослеживается проблема значения: как переводить слово «бог» и какой в него вкладывать смысл? Колонизаторы сами поддерживали эти мифы, считая их полезными в плане легитимизации завоеваний и удержания территорий, так и норовивших от них ускользнуть. Хотя в анналах религии такого рода события могут показаться лишь предметом мимолетного любопытства, я продемонстрирую, что идея превращения человека в бога по воле слепого случая подспудно присутствует в современной расовой концепции, которую мы по ошибке считаем вечной.

Кроме того, я поведаю о том, как новые легенды побеждают старые, приходя им на смену, иными словами, устраивают бунт мифов. С одной стороны, превращенные в богов смертные способствовали сохранению и процветанию империй, но, с другой, сами же их разрушали, провозглашая новые принципы руководства. В XXI веке уподобление человека богу стало формой сопротивления несправедливости и империализму, реакцией на показательную демонстрацию силы государством. Этот прием стал мощным политическим инструментом священной ярости, позволявшим по-новому ответить на спорный вопрос о том, как должен выглядеть бог. Уподобление человека богу теперь выступает в роли вызова: вырвавшись из подземелий анафемы, сотворение богов сегодня представляет собой способ переосмысления политического будущего, борьбы с господством и захвата власти. Заодно случайные боги исцеляют болезни, даруют бездетным детей и управляют погодой.

Эта книга отнюдь не ставит своей целью установить, верят ли вообще в случайных богов. Сама по себе концепция «веры» обладает собственной историей и является не столько универсальной, сколько специфичной для каждого конкретного слу-

чая — во многих языках для ее обозначения никогда не было, как нет и сейчас, соответствующего слова. Вместо того чтобы требовать ответа на вопрос, во что в действительности верят люди — потому как этого не может сказать никто и никогда, — давайте лучше спросим себя, почему вообще существуют такие истории, почему их сочиняют и потом без конца пересказывают и какое влияние они оказывают на формирование нашего мира. Давайте разберемся в том, как эти легенды переплетаются друг с другом и переходят из уст в уста, как превращаются в инструмент манипуляций и наживы, как их используют ради вдохновения или разрушения — одним словом, как из этих мифов создают реальность, которую последующие поколения воспринимают в виде непреложной истины.

Для нас священными писаниями стали интервью и дневники, отчеты исследователей и ученых, газетные материалы, телеграммы, фильмы, рукописные проповеди, архивы полиции, судебные протоколы и даже разговоры с богом, когда он выступает в роли друга. Некоторые божества живут по сей день, другие уже умерли. Единого определения божественности или бога у нас попросту нет. Божественное начало существует в виде не столько абсолютного состояния, сколько некоего спектра (23), способного включать в себя целый ряд металичностей (24): живых богов, полубогов, земных воплощений богов, прототипов богов и божественного духа, который вселяется в человека во время транса. Женское божество мы называем богиней, подразумевая, что она в той или иной степени уступает богу. В книге их будет совсем немного, но на этот факт мы обратим особое внимание, рассказав, как полководец, которому поклонялись как богу, стал современным символом мужского начала и образцом для подражания для каждого настоящего мужчины.

Единого метода или набора критериев, позволяющих определить, что человека уподобили богу, либо провести черту между религиозным поклонением и более приземленным человеческим благоговением, не существует в природе. Давайте попытаемся отыскать здесь если не сами определяющие черты религий, то хотя бы ссылки на них: священные тексты, храмы или другие места поклонения, ритуалы, символы, общие убеждения и доктрины. Но попутно спросим себя, откуда эти ингредиенты «религии» вообще взялись, понимая, что в основе ее формирования были боги, ставшие таковыми не по своей воле. Божества, о которых здесь пойдет речь, глубоко современны по своей сути: их

божественность основывается на концепциях не столько вечных, сколько современных — в том числе представлениях о религии, расе и поле, — и при этом опирается на новшества в сфере транспорта, связи и ведения боевых действий. Их божественное начало стирает различия между концептуальными мирами, например между религиозным и светским, отчего в мире без иллюзий магия становится неуместной, а приход божества в политику выглядит странным и непонятным насильственным вмешательством. У случайного бога есть своя история — от морского побережья, на которое в 1492 году сошел Колумб, до черных дыр интернета. Историю эту еще только предстоит рассказать.

Боги появляются на свет из лотосов; из морской пены, похожей на белую кровь; из ушной серы своих старших братьев — иными словами, из ничего. Рождаются на обеденных столах и в те моменты, когда слишком далеко заходит демонстрация власти. Приходят в этот мир, когда кому-то доводится оказаться не в то время не в том месте. Боги сотканы из неожиданных кончин и несчастных случаев с печальным исходом; одних возносит на небо дым погребального костра, другие ждут в своих могилах, когда им в виде жертвы поднесут сигару. Они становятся божевами в силу непонимания и трудностей перевода. Если, с одной стороны, акт перевода означает перенос слов одного языка в другой, то с другой — это «вознесение на небо без положенной в таких случаях смерти». Боги появляются на свет, когда язык выходит за рамки своих первоначальных намерений. Иногда — в результате чрезмерной любви. В III веке в своих комментариях к Песне песней Соломона богослов Ориген призывал нас «понимать, что человек в силу своей природы обречен всегда что-то любить» (25). Также человек, опять же в силу своей природы, не может не любить сверх всякой меры.

Самый надежный способ установить, что же означает быть человеком, может как раз и заключаться в понимании того, как простой смертный нечаянно, бесславно и помимо своей воли может превратиться в божество.

Раз меня манит змей, за ним я и пойду.